

УДК 82.0:94(47).084.8

**ПРОБЛЕМА КОЛЛЕКТИВНОГО ГЕРОЯ В КНИГЕ А. АДАМОВИЧА, В. КОЛЕСНИКА,
Я. БРЫЛЯ «Я ИЗ ОГНЕННОЙ ДЕРЕВНИ...»****Ю.С. ФИРАГО***(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)*

Рассмотрена проблема коллективного героя в книге «Я из огненной деревни...» А. Адамовича, В. Колесника, Я. Брыля. Обращается внимание на то, что в произведении вместо традиционного героя раскрывается целая галерея характеров жителей белорусских деревень, дающих представление о жизни на оккупированной территории. Здесь нет героя, показанного с характерной для реалистической литературы диалектикой их развития. Главным персонажем книги является простой народ. В произведении «Я из огненной деревни» главный герой выступает как единое целое, состоящее из суммы индивидуумов. Несмотря на то, что в основу книги легло более трехсот исповедей, каждый человек наделен индивидуальными чертами и рассказывает свою трагическую историю.

Введение. В литературе герой в своем взаимодействии с окружающим его миром служит утверждению писательского идеала и отражает авторскую концепцию мира и человека. Довольно широкое распространение в отечественном литературоведении получило понятие «коллективный герой». Данным термином принято обозначать собирательный образ совокупности людей. Однако дефиниция «коллективный герой» до сих пор не получила как научного осмысления, так и общего признания в русском и белорусском литературоведении. Понятие отсутствует в наиболее значимых информационных источниках справочных изданиях, таких как «Словарь литературоведческих терминов» под редакцией Л.И. Тимофеева и С.В. Тураева и «Литературный энциклопедический словарь» под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. Это определение также не раскрыто в многочисленных учебных пособиях по теории литературы и введению в литературоведение («Введение в литературоведение» под ред. Л.В. Чернец, «Основы литературоведения» под общей ред. В.П. Мещерякова, Л.И. Тимофеев «Основы теории литературы», В.Е. Хализев «Теория литературы»). Тем не менее определение героя как коллективного зафиксировано в практике художественного слова. К этой проблеме обращался Г. Ибсен в произведении «Доктор Брант», М. Горький в «Старухе Изергиль», Б. Чешко в «Грене», Е. Анджеевский во «Вратах рая».

В польских изданиях, таких как «Словарь литературоведческих терминов» под редакцией Ю. Словинского, коллективный герой определяется как «совокупность фигур в произведениях, которые представляют судьбы определенной группы людей», как группа персонажей, образующих некую ценностно ориентированную общность, объединенных совместно условиями среды» [1, с. 52]. Коллективного героя В.П. Сорокин рассматривает как массовую сцену [2, с. 87]. Согласиться с последним суждением нельзя, поскольку массовая сцена – это отдельная картина, которая оказывает помощь авторам в изображении действия и настроения группы людей. То есть образ коллективного героя возникает на основе изображенных сцен, в связи с чем можно констатировать следующее: понятия массовая сцена и коллективный герой неравнозначны как по функции, так и по значению.

К уже имеющимся в критике понятиям «собирательный образ», «массовый герой», «коллективный герой» А.С. Макаренко предложил употреблять еще одно – «коллективный образ». «Я как автор, в особенности заинтересован в этом, ибо мой герой всегда коллектив... Но и во многих произведениях советских писателей я вижу эту линию потребности. «Разгром», «Чапаев», «Поднятая целина» заключают очень большие коллективные образы и коллективные явления» [3, с. 208]. Понятия «коллективный герой», «массовый герой», «образ коллектива» нуждаются в обязательном уточнении, поскольку применяются они как тождественные. Если исходить из того, что определения заключают в себе как эстетические, так и общественные явления, в их использовании целесообразно придерживаться рамок той или иной эпохи. Мы будем оперировать первым понятием – «коллективный герой». Это обусловлено тем, что персонажем книги «Я из огненной деревни...» является целостная система – народ, преследующий общую цель – сказать всю правду о войне, и объединенный одной идеей – показать влияние мировой трагедии на мирное население и еще раз доказать, что «поднявшись на священную борьбу, советский народ, партизаны и Советская Армия сломали и этот гитлеровский план» [4, с. 140].

Основная часть. Произведение «Я из огненной деревни» не имеет традиционного, последовательно развивающегося сюжета. Оно построено как чередование сменяющих друг друга коротких эпизодов (воспоминаний), не связанных между собой. Тем не менее каждая трагедия составляет единый сюжет и выражает замысел авторов: «сберечь, удержать, как «плазму», невыносимую температуру челове-

ской боли, недоумения, гнева, которые не только в словах, но и в голосе, в глазах, на лице, удержать все то, что, как воздух, окружает человека, который рассказывал нам, а теперь, со страниц книги, обращается к читателю – к вам обращается» [4, с. 12].

Произведение является энциклопедией человеческого страдания, где события Великой Отечественной войны показаны как народная трагедия, объединяющая людей в едином горе. Можно говорить о том, что образ коллективного героя у А. Адамовича, В. Колесника и Я. Брыля содержит не только идеологическое обобщение, а имеет конкретные, индивидуальные признаки, делающие его художественным. Здесь фигурируют люди, достоверность жизни которых определяется фрагментами повествования, дающими представление о роде их деятельности, социальном статусе и жизни после войны в целом. «Теперьшний мой муж перед войной пошел в кадровую, оставил жену, мать и сына, а пришел – уже не заставил ничего. И мы с ним побрались, поженились, сиротами. И заимели шестеро своих детей. Дети уже наши выучились, самому меньшему вот уже тринадцать годков. Все дети уже, слава богу, живы: три дочки и три сына» [4, с. 55].

«Я взял жену своего товарища... Но раз уже мы сошлись характерами, то и живем вместе. Детей повыучивали. Дети у нас все на работе. (Дальше говорит, переходя от портрета к портрету.) Вот это ее средняя дочь. Это вот сын, который в паре: свадьба была. А это вот уже наша с нею первая дочка. А это сын, который в Ленинграде учился. А это вот старший сын, работает в Риге. Вот какая у меня семья... И сама еще, моя Любовь Андреевна, от молодых не отстает – и теперь в поле. И я работаю. Лесником с сорок восьмого года...» [4, с. 104–105].

«В сорок четвертом пошел я на курсы трактористов и потом работал трактористом до пятьдесят первого года, пока на ту мину не наехал... Ну, а теперь вот нахожусь инвалидом, помогаю в совхозе, что могу...» [4, с. 115].

«Детей порастила, порастила. Пошли по государственной работе всюду. И дети по свету, а я – себе... Вот спасибо, пенсию дают уже. Овец доглядала, тысячи овечок выходила, десять лет на ферме стояла. Дети работали» [4, с. 19].

Стремясь «довести художественную правду до предельной обнаженной достоверности вплоть до отказа от вымысла», авторы глубоко проникают в психологию человеческих характеров, создавая свое произведение таким образом, чтобы читатель смог пропустить мировую трагедию через свое сознание и душу. В произведении реализуется один из главных принципов жанра репортажа – эффект присутствия. Вместе с авторами и рассказчиками читатель видит, слышит и воспринимает описываемую действительность. Воспоминания героев-рассказчиков образуют своеобразный замкнутый круг, в котором катится огненное кольцо, разрушая все вокруг. Не зря, отметила Т. Хомякова, что книга «Я из огненной деревни» это «уничтожение людей огнем» [5, с. 212]. И, действительно, огонь в произведении сопровождает человека постоянно: каждый из рассказчиков испытал его страшное воздействие, если не на себе лично, то на близких и родных людях. Для того чтобы показать роль мировой трагедии для последующих эпох, авторы размыкают повествовательный круг, давая собственные пояснения к тексту. Все представленные события при этом согласно законам репортажа освещаются беспристрастно. Адамович, Колесник и Брыль практически не дают оценок происходящему, тем не менее они являются активными наблюдателями и комментаторами действий. Несмотря на то, что повествование ведется от первого лица, события раскрываются не через рассказ автора, они не заостряют внимание на собственном внутреннем опыте, а отсылают к чужому переживанию.

Привлечение к военным событиям в книге осуществляется не только благодаря элементам репортажа, авторы используют оригинальный прием: вместо традиционного героя, перед читателем раскрывается целая галерея характеров – жителей оккупированной Беларуси, дающих представление о жизни на оккупированной территории. Здесь нет героя, показанного с характерной для реалистической литературы диалектикой их развития. Главным персонажем книги является простой народ. Авторы (репортеры), записывая исповеди участников и свидетелей войны на магнитофонную ленту, сумели воссоздать живые голоса, ведь именно «рассказы уцелевших мучеников с необычайной силой воссоздают жуткую непонятность злодеяний, которые обрушились на мирную деревню» [4, с. 278]. В книге «Я из огненной деревни» главный герой выступает как единое целое, состоящее из суммы индивидуумов. Несмотря на то, что в основу произведения легло более трехсот исповедей, каждый человек наделен индивидуальными чертами и рассказывает свою трагическую историю. Тем не менее, по словам авторов, «... их воспоминаниями можно уточнить многое. И уже не в масштабах деревни, или района, или даже Белоруссии» [4, с. 46]. Авторы, по сути, в своем произведении реализуют формулу Р. Роллана: «человек – это сумма мира», где на примере советского народа показана судьба всего человечества, вовлеченного в Великую Отечественную войну. Жизненный опыт жителей сожженных деревень схож с опытом многих других, таких же как и они, людей.

Образы рассказчиков у А. Адамовича, Я. Брыля и В. Колесника получают всестороннее освещение. Героев пугает прошлое, большинство из них не хотят в него возвращаться. «О самых жутких минутах

люди из огненных деревень чаще всего говорят одной, двумя фразами: «Пищат, лают... воют». Тут все в одно спеклось: и людские крики, и треск пожара, и лай овчарок... Или еще как... И замолкает человек. Здесь уже переспрашивать, расспрашивать не будешь. Только долгая пауза, как спазма, только глаза и лицо человека, которого вновь обожгла память...» [4, с. 40]. Все послевоенные десятилетия жители «сожженных деревень» не в силах забыть пережитое. Даже спустя несколько десятилетий после войны героирассказчики чувствуют себя скованно. Возвращаясь в прошлое, переживания рассказчиков выливаются в поток эмоций, проявляющийся у каждого по-разному. Как правило, это чувство горя и ужаса, которые обязательно сопровождаются слезами.

«Соседка говорит и время от времени, не умолкая, плачет» [4, с. 33].

«А бабы эти голосят, кричат» [4, с. 43].

«И голос уже совсем пропадает – только тихий, беззвучный плач... Тихая женская краса, тихий голос, тихие слезы, а кажется, что здесь стоит тот невысказанный крик» [4, с. 77].

«...Ну я в тот день... У меня сестра была и батька, матери не было. Жили втроем... Не могу я рассказывать... (плачет)» [4, с. 203].

В произведении реализуется одна из жанровых особенностей реквиема – плач, который усиливает эмоциональное звучание воспоминаний и делает их всеобщей скорбью о погибших людях. Можно говорить о том, что книга «Я из огненной деревни...» – это реквием в художественном слове, причем здесь находит свое отражение трагедия не столько одного человека, сколько всего народа, испытавшего на себе «охотничьи хитрики», страшные и издевательские от «зверья в мундирах».

Чтобы достигнуть максимальной контрастности в обрисовке образа коллективного героя, писатели используют прием ретроспекции: картины прошлого перемежаются с картинами настоящего, и одновременно им сопутствует изменение места действия: оно переносится из одной деревни, в другую. Географическое пространство наблюдений для авторов – это вся Беларусь. «Тысячи километров дорог – асфальтовых, проселочных, лесных – связывают их, жертвы фашистских зверств. Живут они, эти чудом уцелевшие люди, по всей Белоруссии, в тех 147 деревнях, в которых мы отыскивали их...» [4, с. 11].

Посредством воспоминаний авторы возвращают рассказчиков в прошлое. Причем эпизоды исповедей отражаются в сознании героев вспышками: они полностью уходят в прошлое, а затем просыпаются, снова возвращаясь к действительности.

«Дородная, улыбчивая, Мария Скок, в отличие от некоторых наших рассказчиц, долго входила в тему, останавливалась, набирая духу или утирая слезу. Ее добродушное лицо посветлело только тогда, когда мы, застегнув футляр магнитофона, поинтересовались ее детьми и похвалили в самом деле очень милую ее невестку» [4, с. 177].

«Тогда я с сестрой была на работе. Стрел открылся. Слышим – поезд идет, стрел открылся. Мы пришли домой...»

Вот характер – говорить не могу... Когда-то, можно догадываться, волевая и энергичная, она прикусывает губу и умолкает, чтоб не расплакаться снова» [4, с. 204].

«Потом мы слушали непосредственных свидетелей трагедии, ... женщин, – взволнованные, временами похожие на голошение, женские воспоминания. Бабуся и тетки собрались на лавки около хаты, сошлись будто на поминки или на траурное собрание, чтоб еще раз совместно перебрать в памяти все события черного дня» [4, с. 221].

«Сначала выговорила свою боль хозяйка, потом присоединились одна за другой соседки. В конце говорили все вместе: скорбное и страшное женское голошение по мужчинам – отцам, мужьям, братьям» [4, с. 227].

Герои книги прошли через суровые и тяжелые испытания (смерть и болезнь близких, предчувствие близившегося конца света и т.д.), поэтому мир после кровавых военных событий из их воспоминаний представляется полным трагизма. Родные места превратились в «землю мертвых». В книге множество голосов, словно восстали из пепла мертвые и заговорили о своей трагедии.

Как справедливо заметил А.И. Павловский, «Книга – редчайший случай в истории литературы – многоголосна и одновременно молчалива. Это античный хор, оплакивающий павших» [6, с. 13].

Порой воспоминания героев-рассказчиков обрываются (человек не может все удержать в памяти), но это не нарушает логической завершенности коллективного образа. В таких случаях авторы уточняют рассказы, однако их слово появляется только в самых необходимых случаях – прокомментировать документы, обобщить воспоминания, поразмыслить над судьбами людей. Комментарии авторов при этом удивительно тонки, «прозрачны» и не мешают читателю делать выводы и определять свое отношение к происходящему.

Стоит обратить внимание на то, что воспоминания рассказчиков сопровождаются богатым иллюстрированным материалом. Следуя примеру Антуана де Сент-Экзюпери и Бруно Шульца, которые впервые

соединили художественное слово с изобразительным искусством, А. Адамович, В. Колесник и Я. Брыль дополнили текст собственными рисунками. Это помогло усилить эффект воздействия произведения на читателя. Авторы заменили рисунок фотографиями с места событий. Иллюстративный материал, помещенный в книге «Я из огненной деревни...», свидетельствует о глубоком понимании публицистами человеческих характеров. Читатель не может услышать голос коллективного героя, он остался на магнитофонных записях, однако если внимательно присмотреться к фотографиям, то в глазах персонажей можно увидеть полыхание костров, в которых горели их родные и односельчане. Такие фотоснимки вызывают в душе зрителей эмоциональный отклик, представляющий коллективный образ народа и людей-мучеников, которые выжили волей судьбы.

Заключение. Из вышесказанного, можно заключить, что книга «Я из огненной деревни...» положила начало новому в белорусской художественной литературе жанру художественного «репортажа с места событий». Живые свидетельства, хранящиеся на кассетах, одновременно приобретают и статус документа, и статус художественной прозы с новым типом героя – коллективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Słownik terminów literackich / M. Głowiński [i in.]; pod red. J. Sławińskiego. – Wrocław, 1976. – 577 s.
2. Сорокин, В.И. Теория литературы / В.П. Сорокин. – М.: Учпедгиз, 1960. – 280 с.
3. Макаренко, А.С. Открытое письмо Ф. Левину / А.С. Макаренко // Педагогические сочинения: в 8 т. – М.: Педагогика, 1986. – Т. 7. – 320 с.
4. Адамович, А. Я из огненной деревни... / А. Адамович, В. Колесник, Я. Брыль. – М.: Сов. писатель, 1991. – 710 с.
5. Хомякова, Т. Книга памяти / Т. Хомякова // Звезда. – СПб.: Худож. лит., 1978. – № 5. – С. 212–214.
6. Павловский, А.И. Примечания к указателю / А.И. Павловский // Библиографический указатель / Д.А. Гранин. – СПб.: Наука, 2000. – С. 2 – 15.

Поступила 23.06.2014

THE PROBLEM OF A COLLECTIVE HERO IN THE BOOK “I AM FROM THE FIERY VILLAGE ...” BY A. ADAMOVICH, V. KOLESNIK, YA. BRYL

J. FIRAGO

The problem of a collective hero in the book “I am from the Fiery Village ...” by A. Adamovich, V. Kolesnik, Ya. Bryl is considered in the article. The attention is paid to the fact that the whole gallery of characters, inhabitants of the Belarusian villages giving an idea of life on the occupied territory instead of the traditional hero reveals in this work. There is no hero shown with the characteristic dialectics for realistic literature of its development. The main character of the book is the ordinary people. In the book “I am from the Fiery Village...” the main character acts as a unit, consisting of the sum of individuals. In spite of the fact that the basis of this work was formed by more than three hundred confessions, each person is allocated with his / her individual traits and tells his / her own tragic story.